

УДК 93/94

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К ИЗУЧЕНИЮ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ТУРАНА

Рыскильдин Азамат Хурматович.

azamat.ryskildin@gmail.com

докторант 1 года обучения ЕНУ имени Л.Н.Гумилева

Историческая наука адресована различным социальным кругам и выполняет в обществе разные функции. Как форма политического сознания, отечественная история служит апологии коллективно разделяемых идеалов и ценностей, синтезирующих и легитимирующих геокультурное и геополитическое пространство этнической (национальной) идентичности. Исторические мифы не в последнюю очередь формируют чувство уверенности и лояльности элементов политической системы к управляющим элитам, поскольку отвечают общему спросу на справедливость, выступая в этой роли одним из существенных условий и регуляторов общественного договора (в категориях институциональной экономики) на осуществление публичной власти. Социальный заказ на исторические представления, вместе с тем, испытывает влияние внешних управляющих воздействий на область массового сознания, что предопределяет необходимость эффективных ответов на идеологические вызовы посредством обращения к количественным, а в наших условиях информационной зависимости, скорее к качественным идейным ресурсам.

Исходная неоднородность казахстанского социума затрудняет кооперацию общества на базе общего происхождения, веры, культурных традиций или уровня потребления, что создает особые нагрузки на конструктивные опоры политической интеграции и предъявляет высокие требования к способности избранной модели концептуальной ретроспективы и перспективы вобрать и упорядочить входящее разнообразие ожиданий в непротиворечивую структуру. Наше конкурентное преимущество состоит в том, что в историческом прошлом территория Казахстана уже не раз становилась ареной глобального цивилизационного противостояния. Должным образом осмысленный исторический опыт предоставляет широкий выбор и спектр публично-правовых юрисдикций, воплощавших в политической практике мировоззренческие программы самых разных геокультурных систем – язычества, буддизма, ислама, православия, воинствующего атеизма, модерна – конституировавших идеалы в качестве правовых норм.

Стереотипы индивидуального и коллективного правосознания (идентичности), сложившись однажды в устойчивые структуры мировоззрения, и закрепившись в нормах и практике социально ответственного поведения (хотя бы в течение трех поколений, чтобы стать традицией), не исчезают бесследно. Возникнув как относительно успешный ответ на актуальные идеологические вызовы, структуры культурно-политических систем, не утратившие состояние динамического равновесия, но сохраняя опору на ключевые ценностно-рациональные устои, обозначают поначалу статус носителей геополитической принадлежности (политоним), а с историческим временем приобретают качественные

признаки субъекта геокультурной реальности (этноним). Если элиты способны сформулировать и предложить массовому сознанию управляемых перспективные жизнеустроительные программы и смыслы, в категориях которых возможно интерпретировать текущие проблемы и отвечать на долгосрочные цивилизационные вызовы.

Такие комплексы этико-культурных представлений не только отличают коллективный этнический портрет, но и закладывают традиционные архетипы нравственно ориентированного и нравственно санкционированного поведения, латентно присутствуют в недрах массового подсознания и аффективно проявляются в настроениях, чувствах, мотивациях и оценках участников этнических групп по отношению к социально значимым решениям и проектам. В таком понимании идентичность предстает как соотнесение себя с устойчивым комплексом этико-культурных норм и представлений (от индивидуального самосознания к коллективному). Но в то же время - как распознавание принадлежности иного к числу носителей узнаваемого этнического стереотипа, что позволяет проектировать ожидания и выстраивать отношения.

Нетрудно заметить, что качество нормативности этико-культурных представлений, характеризующее образование этнических групп, отражает присущее им свойство системности, то есть воспроизводимости и внутренней связности идеологических конструкций в иерархическом соподчинении определяющим мировоззренческим смыслам. Поэтому в целе-рациональной логике идеологических, иерархически организованных приоритетов, концептуальные нормы управленческих решений воспринимаются и постулируются обществом как системообразующие, правовые, что служат реализации основополагающих ценностей. Соответственно, задачи управления этнокультурными процессами в интересах проектирования и строительства национальной идентичности, диктуют необходимость исследования предшествовавших в историческом времени политико-правовых практик, существенно повлиявших на формирование устойчивых стереотипов коллективного правосознания.

Очевидно, что нельзя объяснить историческую преемственность отечественной культурной традиции, не выяснив, каким был трудный выбор, в каких условиях происходило ее сложение [1, с. 9]. Средневековое прошлое Казахстана далеко не ограничивается и не сводится к перипетиям истории одного лишь Казахского ханства. Наряду с этим существует необходимость изучения и Сибирского ханства и Ногайской Орды – как трех вариантов организации публично-правовых юрисдикций, длительное время конкурировавших между собой в поле единой политической платформы и цивилизационной матрицы, оставшейся после распада Улуса Джучи.

А-3. Валиди Тоган рассматривал историю туринских ханов Шибанидов, тюменских беев и ногайских мурз в комплексном единстве [2, с. 37-43]. Но, как верно заметил В.В.Трепавлов, история Ногайской Орды незаслуженно обойдена вниманием историков Казахстана [3, с. 20-21]. Это вполне справедливо и для истории Шейбанидов Турана. Отсутствие письменных и этнокультурных барьеров обуславливали для аристократических и авторитетных элит возможность выбора легитимирующей доктрины правопорядка. Что в гораздо большей степени, чем это принято считать, определяло предпочтения лояльности и идеологически мотивированные откочевки, нежели соображения политической конъюнктуры. Предполагается, что династийное соперничество Джучидов из дома Шейбани и дома Тука-Тимура, на всем протяжении XIV-XIX вв. являлось внешним проявлением глубокого идейного противостояния культурно-политических доктрин, по разному подходивших к соотношению ценностных приоритетов шариата и чингизизма в политико-правовой теории и практике.

С определенной долей допущения можно утверждать в качестве выдвигаемой **гипотезы**, что различные комбинации разрешения социальных противоречий (в т.ч. межсословных «ак-суйек / кара-суйек»), исходя из неодинаковых представлений об иерархии источников права и власти, составили нормативные структуры публичных юрисдикций, известных в историографии как Сибирское ханство, Казахское ханство, Ногайская Орда -

исторически существовавших в системе общего языкового и культурного пространства тюрко-мусульманской идентичности.

Общеизвестно, что легальным правителем в таких политических системах мог быть только мусульманин, и только чингисид [4, с. 84]. Тем самым, соблюдались требования ислама и чингизизма. Однако, имела место существенная разница в сферах их компетенции. Если в юрисдикциях Шейбанидов, следовавших практике Узбек-хана, в правовом регулировании превалировал ортодоксальный шариат, а в Казахском ханстве менее всего утратил позиции чингизизм, то отличительной особенностью симулирующих легитимность правлений на закате Улуса Джучи (Едигейды) или Улуса Чагатай (Тимуриды), доминировал синкретический ислам и квази-чингизизм. Номинальность правления Тука-тимуридов в Ногайской Орде в научных кругах никем не оспаривается, и это мнение является практически общепризнанным. Совершенно иное положение существует относительно мусульмански-окрашенных нововведений, привнесенных в политическую практику представителями «аксуек» и «кара-суйек», стремившихся обосновать притязания на легитимность правления посредством реконструирования санкций в угоду частных амбиций.

Расхождения в оценках роли и мотивов канонических и правовых новаций Тимуридов, Едигейдов, и вчера и сегодня маркируют идеологические предпочтения самих исследователей. Понимая это, мы должны критически воспринимать освещение историками многочисленных войн между Чагатаидами, Шейбанидами и Тука-Тимуридами, союзы Тимуридов и Едигейдов, исходя из того, что они диктовались не только соперничеством за власть, но вместе с тем были борьбой за идеалы - так или иначе понимаемой справедливости и модели правопорядка.

Методология и пределы возможных исследований определяются в первую очередь задачами проекта. «Научное видение мира демонстрирует сегодня плюрализм различных концепций, становится очевидной взаимосвязь материалистического и идеалистического воззрений, рассматриваемых ранее в качестве антагонистических. Уже в первом приближении вероятное осмысление предполагает взаимодополняемость многообразных подходов при выборе дальнейшего пути развития, соблюдение принципа преемственности - селекцию значимых общественных регуляторов», писал С.Жусупов [5, с.10].

Действительно, изменение научной картины мира в XX веке, в связи с развитием общей теории информации и управления, понимание нелинейности динамических процессов, характеризующих поведение открытых систем, в которых осуществляется обмен информацией, веществом и энергией, предполагают отказ от детерминистских представлений о природе социальных образований. Многофакторный анализ освобождает методологический инструментарий формационного и цивилизационного подхода от идеологически мотивированных наслоений и позволяет, с одной стороны, интерпретировать порядок рассматриваемых социальных связей как комплексный институт, относительно устойчивый для данного таксономического уровня организации, с другой стороны, признанием принципиальной неопределенности и непредсказуемости поведения элементов в пределах хаотических бифуркаций, открывает возможности для признания подчас решающего влияния сложноорганизованных информационных аттракторов, на, казалось бы, синергетическое преобразование системы.

В таких критических ситуациях особо проявляется роль геокультурных альтернатив, из числа которых, как значимые для настоящего исследования, выделяются следующие:

- родословно-ориентированное мировоззрение (условно «шежере»-традиция);
- ислам (сторонников сунны и согласия);
- нео-византийская культурно-политическая доктрина;
- модерн (в проекции протестантской этики и «духа» капитализма).

Концептуальный сюжет отечественной истории предполагается развернуть через перипетии актуализации и архивирования, противостояния и комплиментарных сочетаний четырех культурно-политических стратегий, на фоне формационной периодизации исторического процесса на доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную

(информационную) стадии, в зависимости от способа освоения основных энергетических источников расширенного воспроизводства и доступа к ним. В конкретно-исторических условиях та или иная парадигма мотивации обладала неодинаковыми конкурентными преимуществами, оцениваемым по принципиально разным критериям успеха, отличающимся в краткосрочном и долгосрочном измерении [6, с. 74]. Наблюдаемое в истории распространение геополитических границ может служить своеобразным индикатором территориального масштабирования геокультурных волн. Ответное снятие напряжения проявляет универсализм и жизнеспособность парадигмы.

В этой связи изучение политико-правовой практики мусульман - шейбанидов Турана, долгое время господствовавших на значительной территории Казахстана и в сопредельных регионах Российской Федерации и Узбекистана, представляется важным [7, с. 16-21]. Качественное исследование невозможно осуществить без контент-анализа и нового прочтения основных нарративных и шежере-памятников тюрко-мусульманской культуры [8, с. 12-13], что объясняет широкое привлечение к участию в проекте специалистов в области шариата, фикха, археографирования устной шежере-историологии ногайцев, каракалпаков, башкир и казахов – исторических наследников Улуса Джучи (с XIV в. Золотая Орда) [9, с.21-30], [10, с. с.31-43], [11, с. с.37].

Научная продукция и ожидаемые результаты исследования могут быть реализованы в коллективной монографии, с органическим согласованием традиционных и современных методологических подходов [11, с. с.4-35]. В диссертационных работах на соискание ученых степеней и званий по гуманитарным наукам. В учебном пособии по истории политических и правовых учений Республики Казахстан, в учебнике по истории Казахстана для студентов негуманитарных дисциплин.

Список использованной литературы

1. Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI-XVII вв. Уфа, Китап. 2010.
2. Валиди Тоған А-З. История башкир. Уфа, Китап. 2010.
3. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. Москва. РАН. 2002.
4. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. -Алматы. Дайк-пресс. 2001.
5. Жусупов С.Е. Политическая аналитика. Исследования. Алматы. 2008.
6. Рыскильдин А.Х. Самоопределение идентичности: от родословных к альтернативам геокультурного выбора. В сборнике материалов международной научной конференции «Акселеу Сейдимбек: литературное наследие и независимость».- Астана. ЕНУ. 6.12.2012.
7. Сабитов Ж.М. Генеалогии Джучидов в 13-18 вв. Монография.
8. Артыкбаев Ж.О. Казахские шежиры. Астана. 2012.
9. Хамидуллин С., Асылгужин Р.Р., Юсупов Ю.М. История башкирских родов. Гирей. Уфа.2014.
10. Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения.
11. Керейтов Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры. Монография. Ставрополь.2009.
12. Абиля Е.А. Историческая наука и синергетика. Костанай. «Костанайполиграфия». 2008.